

Бай Нин почувствовал, как душа едва не покинула его тело. Он повертел в руках Жемчужину Души, разглядывая её со всех сторон, но ничего особенного не заметил — обычный стеклянный шарик.

Впрочем, неважно. Даже если вещь ценная, с собой её всё равно не заберешь.

Он небрежно бросил жемчужину в шкатулку и поинтересовался:

— Пока меня не было в секте, кто тут больше всех расправлял крылья?

Янь Чун ответил:

— Старейшина Сюэ.

— Рассказывай, что он успел натворить?

Янь Чун кратко и по существу перечислил деяния старейшины, которые сводились к созданию собственной клики и заговорам. В заключение он добавил:

— Хотя старейшина Сюэ открыто сколачивал банду, Левый Защитник не стал ему мешать.

В Секте Ли власть левого и правого защитников уступает только власти Главы секты. Раз Бай Нин и Правый защитник отсутствовали, Левый Защитник должен был взять управление на себя, однако он явно пренебрёг своими обязанностями.

Бай Нин кивнул:

— А ты что об этом думаешь?

Янь Чун честно изложил свои мысли:

— Считаю, что за действиями старейшины Сюэ стоит Левый Защитник.

— Только на этом основании ты делаешь такие выводы?

— Нет. В секте отношения между старейшиной Сюэ и Левым Защитником всегда были довольно прохладными. Но я приказал своим людям обыскать тайник в комнате старейшины и нашел там нефритовую подвеску. Точно такая же есть у Левого Защитника.

Две одинаковые подвески — что это может значить? Если не произошло случайного

совпадения, то этих двоих определённо что-то связывает.

— Позже я следил за старейшиной Сюэ и обнаружил, что он тайно встречался с человеком в маске. Боясь спугнуть дичь, я не стал преследовать незнакомца, но заранее нанёс на одежду старейшины особый порошок. К кому бы он ни прикоснулся, следы остаются. В тот день этот порошок обнаружился на троих, и одним из них был Левый Защитник.

Дальнейшие пояснения были излишни: они убедились, что Левый Защитник и старейшина Сюэ заодно.

Бай Нин усмехнулся:

— Знаешь, чего добивался Левый Защитник, подстрекая старейшину?

Янь Чун ответил прямо:

— Знаю.

— Говори.

— У Левого Защитника три причины. Первое: прощупать почву и проверить Главу секты. Второе: отвлечь всеобщее внимание на старейшину Сюэ, чтобы самому действовать в тени. Третье: позволить старейшине вербовать новых союзников для него.

Что ж, достаточно. Бай Нин понял, что ему нужно делать. Узнав о предателе, он не только подготовил план, как вывести его на чистую воду, но и продумал, как с ним расправиться.

Теперь, обладая всей полнотой информации, Бай Нин принял решение вернуться в секту.

Когда он появился в обители, многие по-прежнему встречали его с показным почтением, но Бай Нин уже чувствовал, как изменилась атмосфера. Он не стал указывать на это, позволяя людям и дальше играть свои роли. Пусть он знал, кто предатель, но этот человек был ему нужен для определённых целей.

По возвращении в Секту Ли Бай Нин не предпринимал активных действий, почти все дела переложив на плечи левого и правого защитников.

Левый Защитник, мужчина лет тридцати с широкими плечами и мощным телосложением, совершенно не походил на коварного интригана. На людях он вёл себя с Янь Чуном дружелюбно, но за спиной постоянно использовал своё влияние, чтобы того вытеснить. Бай Нин был в курсе всего, но продолжал бездействовать.

Он стал таким беззаботным главой: в свободное время культивировал или подтрунивал над А-Ци. Жизнь текла приятно и неспешно. Если бы А-Ци не зудел у него над ухом о задании, он, возможно, вообще бы о нём позабыл.

Прошло уже два месяца с момента возвращения в секту. Пора, время пришло — можно продолжать выполнение миссии.

Пока Бай Нин возвращался в Секту Ли, Сюй Чэнь тоже добрался до Храма Баолай. После возвращения дух его был подавлен, и лишь спустя месяц ему стало немного лучше.

Обретя душевное равновесие, он вспомнил о книге, которую оставил Бай Нин. Осторожно достав её, он открыл страницы и увидел изображения двух обнаженных мужчин. Перевернув лист, он обнаружил, что герои те же, но теперь они целуются — в точности так же, как он и Бай Нин в тот день.

Сердце Сюй Чэня дрогнуло. Воспоминание о поцелуе Бай Нина заставило его пульс участиться, но он быстро взял себя в руки. Подобное случалось часто после ухода Бай Нина, и он уже знал, как с этим справляться.

Больше не желая смотреть в книгу, он отложил её в сторону и погрузился в чтение новой сутры, вскоре совсем позабыв о Бай Нине. Однако вечером, собираясь на покой, он снова наткнулся на книгу и, сам того не осознавая, взял её в руки.

Вскоре он с красным лицом отшвырнул её прочь. Один из мужчин на рисунке ласкал ртом то самое место у другого — даже будучи не самым смелым, Сюй Чэнь понял, что это за книга. Это был самый настоящий сборник непристойностей. Какого демона Бай Нин имел в виду? Прислал ему такое! Бесстыдство! Разврат!

— Грех, великий грех...

Он начал молиться Будде о прощении и заснул лишь глубокой ночью. Но во сне снова появилась эта книга, только теперь на месте персонажей были он сам и Бай Нин. В видении Бай Нин улыбался ему, целуя, а затем опустился на колени и взял его мужское достоинство в рот.

Сюй Чэнь проснулся в холодном поту, обнаружив, что его одежда снова мокрая.

Так продолжаться не может. Он закинул книгу под кровать, твердо решив больше никогда её не открывать, и целиком посвятил себя практике. Но по разным причинам он всё же время от времени заглядывал в книгу. К несчастью, страницы, которые когда-то намокли в воде, размылись, и теперь было невозможно разобрать, что там нарисовано.

Хотя в глубине души он хотел узнать, что происходит в книге дальше, он всё же почувствовал

облегчение. Спрятав книгу подальше, он наконец смог спокойно сосредоточиться на культивации.

Вероятно, он и сам не осознавал, что в глубине его сердца поселился вопрос: что же там дальше?

Прошёл еще месяц. Сердце Сюй Чэня постепенно успокоилось, и мысли о Бай Нине больше не выбивали его из колеи, как поначалу. Он думал, что так и забудет его, но жестоко ошибался. Стоило ему снова увидеть Бай Нина, как его сердце перестало принадлежать ему самому — оно целиком и полностью принадлежало Бай Нину. Каждый жест, каждая улыбка этого человека пронзали его насквозь.

Бай Нин пришел в Храм Баолай специально ради Сюй Чэня. Увидев монаха, он заметил, что тот стал куда более молчаливым и растерял ту живость, которая была в нём при первой встрече. Помимо этого произошли и другие перемены.

Бай Нин мог предвидеть подобные изменения: он ведь сам когда-то прошёл через испытание любовью. Как только человек отдаёт кому-то сердце, забыть его можно, лишь умерев душой. Бай Нин знал это, но не собирался открывать истину Сюй Чэню. Он хотел наблюдать, как тот мучается в борьбе. Чем сильнее страдал Сюй Чэнь, тем больше удовольствия получал Бай Нин.

Каждому, кто причинил ему боль, он вернёт сторицей. И ему плевать, кто прав, а кто виноват.

Обладая выдающимися навыками, Бай Нин мог расхаживать по храму, словно у себя дома, оставаясь незамеченным. Проследив за Сюй Чэнем, он узнал, где тот живёт, и устроился на дереве, чтобы наблюдать.

Монашек изо дня в день делал одно и то же: читал сутры, навещал учителя, выполнял мелкую работу по храму — и всё.

Это жизнь, о которой мечтал Сюй Чэнь? Нет, просто он привык к такому укладу и считал его единственно верным.

А-Ци заметил:

— Скука смертная, эта жизнь Сюй Чэня. С тобой куда веселее.

Бай Нин ответил:

— Если ты привык к образу жизни и считаешь его хорошим, то не захочешь перемен.

Впрочем, какой бы ни была жизнь Сюй Чэня и чего бы тот ни хотел, Бай Нин даст ему всё. Но в

обмен он заберет его сердце.

А-Ци хотел что-то добавить, но в этот момент Сюй Чэнь вышел из комнаты. Дверь находилась прямо напротив дерева, на котором сидел Бай Нин, и так Сюй Чэнь снова увидел его.

Заметив, что Бай Нин сидит на ветке и улыбается ему, монах решил, что это сон. Он вернулся в комнату, заставил себя успокоиться, но, вновь распахнув дверь, увидел, что дерево пусто.

Всего лишь наваждение. В душе шевельнулось невыразимое разочарование.

— Хе-хе. — Раздался смех Бай Нина сбоку. Сюй Чэнь резко повернулся и увидел, что Бай Нин прислонился к стене, скрестив руки на груди. Он улыбался так порочно и притягательно.

Сердце Сюй Чэня забилось в бешеном ритме, но он заставил себя оставаться невозмутимым и холодно спросил:

— Зачем ты пришёл?

Его голос звучал отчужденно, словно он пытался воздвигнуть стену между ними. Бай Нин ничуть не смутился:

— Соскучился. Зашёл повидаться.

Он сказал, что соскучился! Сердце снова взбунтовалось, готовое вырваться из груди.

— Уходи немедленно. Я сделаю вид, что тебя здесь никогда не было, — произнес Сюй Чэнь. Сердце пронзила острая боль, но он твердил себе, что поступает правильно, что обязан так говорить.

Бай Нин будто не замечал сопротивления Сюй Чэня:

— Какой же ты безжалостный, маленький монах. А ведь мы даже целовались.

Он говорил дразнящим тоном, постепенно сокращая расстояние между ними. Сюй Чэнь в замешательстве отступал, пока не упёрся в стену. Бай Нин наклонился к нему и прошептал:

— Ты совсем по мне не скучал?

— Нет. Я хочу только одного — чтобы ты ушёл, — ответил Сюй Чэнь. Он чувствовал, что теряет контроль над собой, и с каждым словом боль в сердце становилась невыносимой. Бай Нин долго смотрел на него, прежде чем убрать с лица улыбку, и спросил:

— Ты действительно так не хочешь меня видеть?

— Да, — ответил Сюй Чэнь. Он думал, что если скажет это прямо, Бай Нин тут же уйдет, ведь сам он чувствовал, что вот-вот потеряет контроль и заключит его в объятия.

— Не верю, — Бай Нин усмехнулся — улыбка вышла злой. Он притянул Сюй Чэня к себе и поцеловал, причем куда напористее, чем в прошлый раз.

Сюй Чэнь, едва ощутив прикосновение его губ, утратил всякое сопротивление. Он с головой погрузился в ощущения, с жадностью впитывая всё, что принадлежало Бай Нину: его губы, его улыбку, его дыхание. Ему всё это так нравилось, он так сильно этого хотел.

Но нельзя. Он монах и не может быть с Бай Нином.

Последние крохи рассудка заставили его оттолкнуть Бай Нина и, развернувшись, броситься прочь.

Он не смел оглянуться — боялся увидеть выражение лица Бай Нина.

Каким оно было? Гневным? Или полным печали? Сюй Чэнь не знал, не смел взглянуть. А Бай Нин вовсе не злился и не печалился — он улыбался, и в этой улыбке сквозила лишь горькая ирония.

В панике Сюй Чэнь выбежал из-за угла и врезался в человека — это был его дядя-наставник Сюаньцзин. Сюй Чэнь был настолько растерян, что даже не извинился и побежал дальше. Сюаньцзин, который всегда был строг с учениками храма, пришел в ярость от того, что племянник сбил его с ног и не выразил почтения, и пообещал себе при первом же случае как следует проучить юношу.

Сюй Чэнь не знал, что теперь у него неприятности. Терзаемый смятением, он пришел к статуе Будды и опустился на колени. Он простоял так весь день. А когда вечером вернулся в свою комнату и огляделся, то увидел, что Бай Нин давно ушел, но чувство пустоты в сердце стало лишь сильнее.

Он осознал одну простую вещь: он любит Бай Нина куда сильнее, чем предполагал.

— Мы сойдем с ума, просто сойдем с ума! Почему прогресс снова откатился? Хозяин, может, ты целовался без души? — заныл А-Ци.

— Хочешь проверить, с душой ли я целуюсь? — отозвался Бай Нин. — Если хочешь, я могу показать тебе, с какой душой я использую свое хозяйство внизу.

А-Ци замолчал.

С Бай Нином проблем не было, проблемы были у Сюй Чэня. Как уже говорилось, самое сложное в обольщении Сюй Чэня заключалось в том, что стоило ему что-то для себя решить, как для любого другого человека это означало бы конец. Сюй Чэнь вообразил, что не может больше любить Бай Нина, и достичь стопроцентного уровня привязанности стало почти невозможно. Впрочем, Сюй Чэнь — человек, а значит, подход найти можно. Тем более что Бай

Нин любил трудности. Раз Сюй Чэнь отталкивает его, он сделает так, что тот не сможет сопротивляться.

Бай Нин улыбнулся. Да, именно так. Только так добиваться цели по-настоящему интересно.

После того как Бай Нин ушел, у Сюй Чэня появилась новая привычка: каждый день он подолгу смотрел на дерево у входа в свою комнату, а после чувствовал лишь безграничную тоску.

— Больше он не придет. Правильно, я так с ним обошелся, он наверняка меня ненавидит, — часто бормотал Сюй Чэнь сам себе.

Так прошел месяц, и внезапно он всё понял: он любит Бай Нина, но их союз невозможен. Они по разные стороны баррикад: свет и тьма, к тому же он монах. Он не может предать наставления учителя и отказаться от праведности в своем сердце ради Бай Нина. Не видеться с ним — лучшее решение на данный момент.

Словно желая опровергнуть его мысли, Бай Нин решил иначе.

Вечером Сюй Чэнь, вернувшись в комнату, снова не удержался и бросил взгляд на то самое дерево, но, ничего не увидев, с бесстрастным лицом вошел внутрь. Однако его ждал сюрприз: на кровати сидел Бай Нин. Сердце Сюй Чэня снова предательски забилося, но внешне он остался невозмутим.

— Не знаю, зачем господин Бай пожаловал к этому скромному монаху?

Бай Нин, сидевший на его кровати, с интересом читал книгу. Не отрываясь от страниц, он ответил:

— Соскучился. Пришел на тебя посмотреть.

Дыхание Сюй Чэня перехватило, сердце заколотилось еще быстрее, но он по-прежнему хранил спокойствие.

— Вот как? Благодарю за беспокойство, господин Бай. Но даже так, я прошу вас больше не приходить. Мы занимаем разные стороны, и если кто-то увидит нас вместе, на меня падет тень обвинения в сговоре с демоническим культом.

— Приходить к тебе — моё право. Маленький монах, даже ты не можешь посягать на мою свободу.

Сюй Чэнь помолчал, а затем сказал:

— Если господин Бай будет настаивать, мне придется рассказать обо всем моему учителю.

Бай Нина ничуть не испугала эта угроза. Он весело рассмеялся:

— Валяй.

Сюй Чэнь почувствовал полное бессилие. Почему он ничего не может поделать с этим

человеком?

— Маленький монах, ты скучал по мне за этот месяц?

Сюй Чэнь вздохнул:

— Нет.

— Ха-ха-ха! — Бай Нин внезапно расхохотался. — Маленький монах, ты солгал. И в прошлый раз лгал. Уход от мира подразумевает отказ от лжи, а ты столько раз согрешил — достоин ли ты называться учеником Будды?

В прошлый раз, солгав, Сюй Чэнь нарушил обет. Хотя никто об этом не узнал, он полмесяца каялся перед статуей Будды. А сейчас он снова солгал, даже не задумываясь. Словно привычка говорить неправду вошла в него сама собой. Раньше он этого не замечал, но слова Бай Нина заставили его осознать собственную безнадежность. Лицо Сюй Чэня побледнело.

Бай Нин, глядя на него, заулыбался еще шире:

— Ну так что, признавайся, скучал или нет?

На этот раз Сюй Чэнь не ответил. Он сел на кровать, скрестил ноги и, закрыв глаза, принялся мысленно читать сутры.

Любой другой на месте Бай Нина разозлился бы на такую реакцию, но того это лишь позабавило. Он уселся рядом, разглядывая профиль Сюй Чэня, и погладил его по бритой голове. Затем взял в руки книгу, которую читал ранее — ту самую, что он сам когда-то подарил Сюй Чэню.

— Ты дочитал эту книгу?

Сюй Чэнь продолжал молчать.

— Молчишь — значит, согласен.

— ... — Сюй Чэнь старался держаться, не произнося ни слова.

— Интересная книга?

— ... — Как ему ответить?

— Я так и знал, что тебе понравится. Такой скрытный маленький монах, как ты, точно оценит.

— Пф-а-ха-ха! — прыснул А-Ци. — Скрытный маленький монах!

Сюй Чэнь наконец не выдержал:

— Господин Бай! — в его голосе слышался гнев, но Бай Нин проигнорировал это.

— Я ведь прочел ее целиком, поэтому знаю, что там, где текст залит водой, было написано дальше. Хочешь узнать?

Голос Бай Нина стал тише, он медленно склонился к самому уху Сюй Чэня и соблазнительно

прошептал:

— Хочешь? Я могу рассказать!

Его слова эхом отозвались в сознании Сюй Чэня, от чего по всему телу пробежала приятная дрожь.

— Я... — он хотел что-то сказать, но голос предательски охрип. Собравшись с силами, он произнес: — Господин Бай, я монах. Мое заветное желание — стать великим наставником, как мой учитель. Поэтому прошу, не мешайте мне постигать путь.

— Я мешаю тебе постигать путь? — спросил Бай Нин.

— Да.

Бай Нин сделал серьезное лицо:

— Если я могу помешать тебе в этом, то проблема не во мне, а в тебе. Мое присутствие — это испытание для тебя. Если твое сердце не может обрести покой лишь из-за того, что я рядом, о каком постижении пути вообще может идти речь?

А-Ци: «...» Бай Нин — настоящий софист.

— Господин Бай, вы... — Сюй Чэнь не успел договорить, как раздался стук в дверь:

— Сюй Чэнь, с кем ты разговариваешь?

Это был Сюаньцзин. Он ненавидел людей из демонического культа больше всего на свете, и, узнай он, что Бай Нин здесь, он тут же бросил бы его в темницу.

— Дядя-наставник, я читаю сутры, — Сюй Чэнь солгал, почти не колеблясь.

Он взглянул на Бай Нина и покраснел. Он солгал прямо в присутствии Бай Нина — как же тот теперь будет смеяться над ним?

— Поздно уже, ложись спать, — сказал Сюаньцзин за дверью.

— Хорошо, дядя-наставник, — ответил Сюй Чэнь.

Сюаньцзин ушел. Сюй Чэнь облегченно выдохнул, но, увидев Бай Нина, снова почувствовал, как начинает болеть голова. Что ему делать с этим человеком?

Пока он мучился в раздумьях, Бай Нин внезапно поднялся:

— Поздно уже, мне пора. Отдыхай, — он помедлил и достал небольшую шкатулку. — Это тебе подарок. В знак благодарности за то, что когда-то за мной присматривал. Это Жемчужина Души, говорят, она хранит дух от разрушения и помогает укрепить уровень культивации.

— Господин Бай, не нужно... — начал было отказываться Сюй Чэнь, но Бай Нин перебил:

— Я пришел сюда только ради этого. Если не возьмешь — приду снова.

Сюй Чэнь замешкался, но все же принял дар.

— Благодарю, господин Бай. Раз уж я принял ваш подарок, значит, нас больше ничего не связывает. Надеюсь, вы больше не придете.

Теперь замер Бай Нин. Его лицо помрачнело.

— Ты так сильно не хочешь меня видеть?

Сюй Чэнь закрыл глаза:

— Да.

— Хорошо. Больше я не приду.

В голосе Бай Нина звучала ярость. Сказав это, он развернулся и ушел, не оглядываясь. Сюй Чэнь невольно выбежал за ним вслед и смотрел ему в спину. На лице его не было ни радости, ни печали, но он чувствовал, что сердце снова стало пустым.

Так будет лучше. Потом...

Сюй Чэнь растерянно замер: что будет потом?

А Бай Нин, отойдя на несколько шагов, услышал, как А-Ци завыл у него в голове:

— Опять откат, почему опять откат?!

<http://bllate.org/book/22168/2309443>